

YAKOV POLONSKY. "AFTER THE FEAST", 1849: TEXT AND OVERTEXT

Modebadze Irine Igorevna^{1*}

Senior Scientific Researcher of Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature,

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

Tbilisi, Georgia

(date of receiving: November, 2022; date of acceptance: May, 2023)

Abstract

Georgia left a bright trace in the life of the outstanding Russian writer, poet, novelist and playwright Yakov Polonsky (1819-1898). His five years in Tbilisi became crucial in his creative fate: published in Tbilisi collections of poems created in the Caucasus ("Sazandari" 1849, "Several Poems", 1851) were appreciated and made him famous. The aim of our study was to reveal the connection between the Georgian reality and specifics of its comprehension and refraction in the romantic discourse of the poet. The study material was the discourse of the text of the poem "After the Feast" (1849), Polonsky's realistic essay and excerpts from the poet's letters to friends. Such a study was carried out for the first time. The results of the analysis allow us to analyze the poet's personal relations with representatives of Georgian intelligentsia and the accepted at the time socio-cultural behavior of Georgian aristocracy at the time.

Keywords: Yakov Polonsky, Russian Literature of the 19th Century, Caucasian Text, "After the Feast", Romantic Discourse, Off-Text.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5432-0243> * Corresponding author

ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ. «ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА», 1849: ТЕКСТ И ЗАТЕКСТ

Модебадзе Иринэ Игоревна^{1*}

Старший научный сотрудник Института грузинской литературы
им. Шота Руставели ТСУ им. Ив. Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия.

(дата получения: ноябрь 2022 г.; дата принятия: май 2023г.)

Аннотация

Грузия оставила яркий след в жизни и творчестве выдающегося русского поэта, прозаика и драматурга, Якова Петровича Полонского (1819–1898). Пять лет, проведенных в Тбилиси, оказались поворотными в его творческой судьбе: опубликованные в Тбилиси сборники стихов («Сазандар», 1849, «Несколько стихотворений», 1851) получили высокую оценку критики и принесли ему признание современников. Целью нашего исследования было выявить связь между увиденной Яковым Полонским в Грузии реальностью, спецификой ее осмысления и преломления в романтическом дискурсе творческой лаборатории поэта. Материалом исследования послужил дискурс текста стихотворения «После праздника» (1849), реалистического очерка Полонского и выдержек из писем поэта к друзьям. Подобное исследование проводилось впервые. Результаты проведенного анализа позволили сделать ряд выводов по поводу личных связей поэта с представителями грузинской интеллигенции и принятой в то время социокультурной модели поведения представителей грузинской аристократии.

Ключевые слова: Яков Полонский, Русская Литература XIX Века, Кавказский Текст, «После Праздника», Романтический Дискурс, Зате́кст.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5432-0243> *Ответственный автор

Введение

В начале XIX века Грузия становится частью Российской империи. Меняется вектор миграционных процессов: на Кавказ устремляется множество народа. Идет война, и Империя направляет на юг военные полки; кто-то едет сюда по приказу императора для того, чтобы принять участие в управлении краем; кто-то в надежде поправить свое материальное положение («зачинами»); не говоря уже о ссыльных, картографов, церковных деятелях и тех, кто путешествует в поисках новых впечатлений... Здесь все было не так как дома – другая природа и климат, другие нравы и обычаи местных народов (иные приоритеты ценностных ориентаций), даже продукты и кухня были здесь непривычными. И все это нашло отражение в донесениях, отчетах, путевых заметках, дневниковых записях, письмах и, конечно же, в публицистике и художественной литературе. Постепенно само слово «Кавказ» обрело значимость культурного концепта. Это было уже не столько географическое, сколько собирательное культурно-историческое понятие, охватывающее весь регион Северного и Южного Кавказа.

В 1844 году было утверждено Кавказское наместничество, включавшее Грузинскую губернию (с 1847 г. — Тифлисская губерния), Армянскую и Каспийскую области, административным центром которой стал Тифлис /Тбилиси/. Главкомандующим войсками на Кавказе и наместником кавказским с неограниченными полномочиями был назначен граф, князь М. С. Воронцов. Правление Мих. Воронцова на Кавказе продлилось с 1845 года по 1853 год и характеризовалось сменой имперской политики «с кнута на пряник». Тифлис этого периода можно сравнить с мирным островом посреди бушующих вокруг военных действий, куда центростремительные силы исторического процесса влекли всех любознательных и деятельных людей эпохи. Здесь не только находился центр управления вновь присоединенными землями, но и концентрировалась интеллектуальные силы всего южного

региона. Ключом была театральная и литературная жизнь, выписывались почти все столичные газеты и журналы.

Жизнь древнего города стремительно менялась. «Тифлис стал утрачивать азиатские черты, и так застроился на протяжении последних лет, что его невозможно узнать», – отмечал друг Я. Полонского польский поэт Т. Лада-Заблоцкий, который допускал, что через десять лет «Кавказ станет Италией России» /Из письма к Ю. И. Крашевскому от 8 мая 1847 г./ (Филина 2016. 235). Именно в это время, получив должность при канцелярии нового наместника, назначенный помощником редактора газеты «Закавказский вестник», летом 1846 года из Одессы в Тифлис приезжает Я. П. Полонский (1819–1898) — пока всего лишь начинающий поэт, решивший после первых неудач отказаться от литературных занятий, впоследствии — выдающийся русский литератор: поэт, прозаик и драматург.

Основная часть

К моменту приезда Полонского в Грузию в Тифлисе подолгу жили, или ненадолго приезжали представители русской интеллигенции, проживали ссыльные писатели-поляки. Вместе с представителями местной интеллигенции они составляли особый круг людей, где царил столь милый Я. Полонскому дух свободомыслия и дружбы. Общение с этими людьми оказало на него плодотворное влияние: в этой среде он почувствовал себя обновленным, полным энергии, ощутил желание жить и творить. «Если бы я остался жить и поживать на своей родине, я бы давно или умер бы с тоски, или бы стал пошл, так же пошл, как пошла была вся действительность, которая окружала меня, держала меня в оковах и убивала во мне лучшие способности, до тех пор, пока я не вырвался на волю» /из письма к М. Е. Гутмансталь, декабрь 1847/ (Богомолов 1966. 21). Пять лет, проведенных в Тифлисе, оказались поворотными в творческой судьбе Я. Полонского: в Грузии он окончательно

осознал свое творческое призвание, а опубликованные в Тифлисе сборники созданных на Кавказе стихов («Сазандар», 1849 и «Несколько стихотворений», 1851) получили высокую оценку критики и принесли поэту признание современников. «Именно этот город (Тифлис — *И.М.*) превращает Полонского в настоящего поэта» (Головин 2012. 31).

Свои сочинения Я. П. Полонский в основном публиковал на страницах газеты «Закавказский вестник», к исполнению обязанностей помощника редактора которой он приступил с первых же дней по приезде в Тифлис. Вдвоем с редактором газеты П. Иоселиани, они делали всю газету (кроме них в штат редакции входили только переводчики — с грузинского В. Г. Гурамов /Гурамишвили/, а с татарского /азербайджанского/ – Б. Д. Лазарев). Газета выходила в Тифлисе с 1837 по 1855 год (позднее она стала официальным приложением к газете «Кавказ»). Ее целью было знакомить читателей с жизнью, бытом, нравами и текущими новостями края. Работы было много. Я. П. Полонский увлеченно занялся новым делом: составлял статистические отчеты, публиковал данные о климате, населении, природных богатствах Кавказа и свои сочинения — этнографические и художественные очерки, фельетоны, заметки, стихотворения, первую главу повести «Тифлиские ночи». «Мечтать мне некогда, — писал он своим друзьям, — мне поручено составление статистических статей – а) О иностранных семенах, посеянных в Закавказском крае; б) О хлопчатнике; в) О разведении табака и г) О шелкомотальных машинах. Стол мой завален кучею бумаг и перепискою нашей канцелярии с департаментом сельского хозяйства, при том я держу корректуру» (Богомолов 1966. 22).

Я. П. Полонский много ездил по Южному Кавказу. Талантливый художник, он постоянно делал зарисовки, стремясь знакомить соотечественников не только с экзотическими реалиями, но и с особенностями жизни и быта местных жителей. Записи, рисунки и дневники свидетельствуют

– Я. Полонский побывал в различных уголках Грузии (Гурии, Кахети, Имерети, Самегрело, на побережье Черного моря, неоднократно бывал в Кутаиси, Гори, Душети, Ананури, Телави, Мцхета, Атени, Редут-Кале, Марткопи, Алаверди, Коджори, Манглиси), в Борчалинском уезде, Ереване, Эчмиадзине, Нахичевани, высокогорных аулах, «татарских селениях», Кизляре и Моздоке. Почти все поездки питали вдохновение поэта, и большинство из увиденного впоследствии нашло отражение в его художественном творчестве. Он писал: «...надо жить / В Тифлисе — наблюдать — любить — И ненавидеть, чтоб судить / Или дожидаться вдохновений...» («Прогулка по Тифлису», 1846). Именно так Я. Полонский и поступал – не просто зарисовывал и описывал, но тщательно анализировал — «судил» об увиденном в своих очерках, а не соответствующие форме очерка яркие эмоции и впечатления, дождавшись «вдохновений», выражал в прекрасных стихах. В этом смысле знаковым представляется одно из написанных Я. П. Полонским на грузинскую тему в 1849 году стихотворений — «После праздника». Приведу полностью текст этого стихотворения.

Вчера к развалинам, вдоль этого ущелья,	Из уст в уста ходила азарпеша, ¹
Скакали всадники — и были зажжены	И хлопали в ладоши сотни рук,
Костры — и до утра был слышен гул веселья —	Когда ты шла, Майко, сердца и взоры теша,
Пальба, и барабан, и вой зурны.	Плясать по выбору застенчивых подруг.

Сегодня вновь безлюдное ущелье
Глядит пустыней, — мирная пальба
Затихла — выпалось похмелье —
И съехала с горы последняя арба!

Не все же праздновать! —	Как после праздника в глотке
веселый пир народный	вина отраду
Прошел, как сон... Так некогда	Находит иногда гуляка удалой,
любовь	
Моя прошла — пыл сердца	Так рад я был внимательному
благородный	взгляду
Простыл, давно простыл; — но	Моей Майко, плясуньи молодой
не простыла кровь!	

Что ж медлю я... Бичо! ты, конюх мой проворный!
 Коня!! — Ее арбу два буйвола с трудом
 Везут. — Догоним... Вот играет ветер горный
 Катибы² бархатной пунцовым рукавом.

Поэтика стихотворения полностью соответствует романтическим традициям Кавказского текста русской литературы: дикая природа («развалины», «безлюдное ущелье»), воинственное местное население («пальба, и барабан, и вой зурны»), атмосфера восточного пира, где «хлопали в ладоши сотни рук» и «из уст в уста ходила азарпеша», упоминание местных реалий и лексем (*зурна, азарпеша, арба, катиба, бичо*). Не забыт и разочарованный любовными переживаниями романтический лирический герой («*любовь моя прошла — пыл сердца благородный простыл, давно простыл*»). Органично вписывается в общую картину образ Майко - «плясуньи молодой», чью «арбу два буйвола влекут с трудом». Восхищение красотой поселянки рождает у лирического героя совершенно особые чувства, ведь, несмотря на то, что давно «простыл пыл сердца благородный», «не простыла кровь». С романтическим настроем стихотворения несколько диссонируют характерные для авторского стиля поэта примечания, поясняющие читателю значение отдельных реалий: «1. Азарпеша — чаша для вина; 2. Катиба — женская

одежда с откидными рукавами». «Реалиям свойственны эмоциональность и образность, стилистическая окрашенность, поэтому они становятся отличительными знаками того народа, в языке которого существуют. В художественном тексте они служат не только стилистическим целям, но и воссозданию национального, культурного и исторического колорита» (Рожкова 2011. 215). Авторские примечания подчеркивают специфику создаваемой поэтом художественной реальности — романтические мотивы сливаются с реалистической картиной.

При внимательном прочтении открываются и другие смысловые пласты текста. Прежде всего, это преломленный в романтическом дискурсе кавказской лирики автобиографизм — художественно переосмысленное отражение пережитого поэтом. В частности, упоминание прошедшей благородной любви — достаточно прозрачная аллюзия на юношескую любовь к Соне Коризна. Симпатия молодых людей была взаимной, но Соня была бедна, так же как и сам Яков, и о серьезных отношениях, а тем более о женитьбе, не могло быть и речи. «Влюбленный без памяти, при ней я притворялся холодным, — признавался он потом. — Увлечь девушку было не в моих правилах, а жениться я не мог, так как и она была бедна, и я был беден <...> Я еще не служил и не желал служить <...> Да и мог ли я думать о женитьбе, когда, вышедши из университета и нуждаясь в партикулярном платье, я вынужден был продать золотые часы свои, полученные мною в дар в то время, когда я был еще в шестом классе гимназии» (Полонский 1988). Отсутствие возможности поддерживать серьезные отношения с Соней послужило одной из причин, по которой Я. Полонский покинул Москву и в 1844 году уехал в Одессу, где прожил почти два года. Воспоминания о Соне Коризна и их немногочисленных встречах долго не покидали поэта. В написанном под впечатлением реального эпизода стихотворении «Качка в бурю» (1850) также встречается аллюзия на его юношескую любовь. В этом,

признанном «едва ли не лучшим» из написанных на Кавказе» стихотворений (Фридлянд 1984. 14), осознавая реальность возможной гибели, лирический герой грезит — ему видятся картины самого дорогого из того, что успел пережить за свою недолгую жизнь поэт. «Это воспоминания раннего детства, сохранившиеся еще с того времени, когда была жива мать Якова, о юношеской любви, по всей вероятности, к Соне Коризна, прогулки с которой в вечернем саду он никогда не забывал» (Модебадзе 2010. 40).

В стихотворении «После праздника» аллюзия на возвышенную юношескую любовь выступает в качестве смыслопорождающего элемента: с учетом затекстовых фактов, противопоставление «простывшего пыла сердца» и «не простывшей крови» вполне может быть интерпретировано как противопоставление оставшейся в прошлом романтически возвышенной любви и земной страсти настоящего — увлечению сололакской красавицей-армянкой Софьей Гулгаз, которую поэт считал самой красивой женщиной в Тифлисе. Связь с «соломенной вдовой» бросившего ее на произвол судьбы пьяницы-торговца оставила яркий след в жизни Я. П. Полонского. История простой девушки-сироты, вынужденной вести жизнь содержанки, не только стала основой сюжета повести «Тифлиские сакли», но и вдохновила поэта на создание в том же 1849 году, что и «После праздника», стихотворений, посвященных Софье Гулгаз — «Встреча» и «Не жди».

Как справедливо отмечает Е. М. Баранская, на раннем этапе творчества «"Я" Полонского <...> завуалировано абстрактным образом поэта-романтика, смоделированным по пушкинскому образцу» (Баранская 1998. 163). В то же время «отражение в тексте действительности предполагает наличие затекста — фрагмента действительности, описанного в тексте. Затекст присутствует в тексте неявно, как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится его автору» (Белянин 2016. 172). С учетом вышесказанного несложно выявить

специфику авторской позиции — в сознании поэта оставшаяся в прошлом возвышенная юношеская любовь, питающая в соответствии с романтической традицией восторженного поклонения даме его поэтическое воображение, четко дистанцирована от «земной страсти» настоящего.

С реальным фактом из жизни Я. П. Полонского связан и другой биографический затекст — посещение праздника в Марткопи. Желание поехать на праздник в Марткопи возникло у него еще в 1846 году, вскоре по приезде в Тифлис. В одном из своих августовских писем друзьям в Одессу он писал: «Вчера за обедом узнал, что в 20 верстах от Тифлиса, ночью под Успенье в Марткопи — народный праздник, куда собираются целые тысячи грузин и армян. Я послал нанять верховую лошадь — привели лошадь — я оделся по-черкесски — и вышел». Но поездка в тот день так и не состоялась, выйдя на улицу, поэт обнаружил пропажу своей лошади: «Иду к хозяину лошади. Хозяин говорит, что грузин, который повел ее ко мне, еще не возвращался. Нет ли еще лошадей? Нет в целом Тифлисе! Извозчики везти так далеко от города не соглашаются <...> Как хотите, а досадно пропустить случай видеть народный пир» (Богомолов 1966. 82). Поэт смог попасть в Марткопи лишь через два года — в 1848 году. Увиденное произвело на него настолько сильное впечатление, что он поделился им с читателями не только в опубликованных в «Закавказском вестнике» очерках «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» и «Ночной вид Марткопского праздника», но и выразил свои эмоции в лирическом стихотворении.

Очерки Я. Полонского отличает точность описаний, внимание к деталям, красочность и колоритность увиденных глазом художника сцен и деталей, широта и глубина обобщений, логика суждений. Они неоднократно привлекали внимание исследователей Кавказского текста русской литературы, занятых изучением различных ракурсов очерковой прозы, среди которых

приоритетными являются исследования истории русско-грузинских культурных отношений; «вклада писателя в развитие этнографического направления в русской литературе 1840-х годов» (Ушакова 2019. 135-145.) и национальной специфики христианских традиций (Багратион-Мухранели 2020; Федосеева 2020; Ушакова 2021. 102-109). «В поэзии Полонского лирическое начало бытует на фоне очеркового, «натурального», реального материала <> В «кавказском» стихотворном цикле верность природе и местному колориту позволила создать поэтические картины, подсказанные самой жизнью» (Мушина 1986. 9), поэтому анализ поэтического текста в общем контексте с очерковой прозой придает ему дополнительную информативность.

Прежде всего следует отметить, что к народным праздникам у Я. Полонского было совершенно особое отношение. Он полагал, что во время таких праздников, когда собирается большое количество объединенных общей радостью людей, лучше всего познается национальный характер народа. Обобщая в очерках свои впечатления и размышления о народных праздниках, он писал: «Дай бог, чтоб долго еще шумели в Грузии ее национальные праздники, они вполне национальны <...>. Грузин может быть грузином и в русском костюме, точно так же, как и русский останется русским, в какое бы платье он ни нарядил себя. Правда, живописный костюм грузинский есть национальный костюм, но не в костюме, а в народных праздниках ступайте подмечать лучшие черты грузинской национальности. <...> Сквозь оболочку чисто национального проглядывает так много общечеловеческого, так много всем доступного и понятного, что невозможно им не сочувствовать» (Полонский 1848. 143).

Традиция всенародно отмечать христианские праздники (в том числе и храмовые) сохранилась в Грузии до нашего времени. В эти дни к святым местам устремляются толпы паломников. Один из самых почитаемых

праздников — это праздник Успения /ღებობა - Мариамоба/, который отмечается всеми христианами Грузии, независимо от принадлежности к той или иной конфессии. По-видимому, именно такой многолюдный праздник, «куда собираются целые тысячи грузин и армян», посетил в Мартой Я. Полонский в 1848 году. Поскольку Мариамоба празднуется 15 августа, в пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что очерки Полонского были опубликованы под свежим впечатлением от поездки в августовских номерах «Закавказского вестника» за 1848 год. В таком случае вполне объяснимо и отмеченное Полонским присутствие на празднике «иноверцев» (лезгин, татар, персов): последователи исламской религии с уважением относятся к Марьям /Марии/ — матери причисленного к посланникам Аллаха пророка Исы /Иисуса/, именем которой названа 19 сура Корана.

Один из древнейших на территории Грузии, Марткопский монастырский комплекс, т. н. Марткопи, расположен в 35 км от современного Тбилиси. Основанный еще в VI в. Св. Антоном Марткопским /Св. Антоний Столпник/, комплекс сильно пострадал в 1395 г. от войск Тамерлана, а в 1752 г. от набегов леков /лезгин/. В 40-ых годах XIX века землетрясением был разрушен купол и восточная стена центрального храма (храм Хвтаэба /Божества/). В 1847 году Платон Иоселиани (напомним, что в интересующий нас период именно Пл. Иоселиани был редактором «Закавказского вестника») составил первое научное описание разрушенного Храма, который был заново отстроен в период между 1848 и 1855 годами. Таким образом, упоминание в стихотворении «развалин», воспринимаемых как элемент экзотично-романтического пейзажа, в действительности является исторической реалией, так же как и живописное, но «безлюдное» в обычное время ущелье — в период до восстановления центрального Храма народ собирался на поклонение святыням Марткопи только в дни больших церковных праздников.

В стихотворении прекрасно передана детально описанная в очерках атмосфера всеобщего веселья, благожелательности и гостеприимства. Не забыты застолье, музыка, песни и танцы. Что касается «плясуньи молодой», чью «арбу два буйвола влекут с трудом», то этот образ красавицы-поселянки, так же, как и чувства лирического героя, скорее всего, — дань романтической традиции, вернее, романтической мистификации, которая, как известно, «в любовной лирике существенно преобразует реальные факты» (Баранская 2013. 25).

Вопрос о том, кто мог послужить прообразом плясуньи Майко не остался вне внимания ученых. Поскольку нет никаких свидетельств об увлечении поэта в этот период кем бы то ни было, кроме Софьи Гулгаз, достаточно серьезным представляется предположение исследователей, что на создание этого образа поэта вдохновило знакомство с представительницей одной из самых аристократичных фамилий Грузии, княжной Маико (Мариам) Орбелиани (1816/17-1849). Как следует из писем к княжне близкого ее родственника и друга, известного грузинского поэта-романтика Николоза Бараташвили, «Маико Орбелиани жила в Квемо Картли (один из регионов Грузии – *И.М.*), в одном из родовых имений Орбелиани, в Тифлисе же бывала наездами»¹ (Церцвадзе 2019. 35). Тем не менее, получившая прекрасное образование княжна играла значительную роль в культурной жизни города. По-видимому, именно ее и Нину Чавчавадзе-Грибоедову имел в виду Полонский, когда писал, что «некоторые из женщин первых аристократических фамилий по своему образованию смело могут блистать в лучших европейских обществах» («Кавказский календарь», 1847).

Маико Орбелиани «была музой поэтов и художников того времени.<...> ею восхищались и бывавшие в то время на Кавказе русские чиновники и деятели

1. Здесь и в дальнейшем перевод с грузинского – *И.М.*

культуры: Н. Жерве (1808-1841), Ал. Васильчиков (1818-1881), Ф. Торнау (1810-1890), М. Лермонтов (1814-1841), Я. Полонский (1819-1898), Ал. Долгоруков (1793-1868), Ал. Столыпин (1816-1858), Гр. Гагарин (1810-1893), Пл. Челишев (1804-1859)» (Церцвадзе 2019. 36). О том, что именно Маико Орбелиани вдохновила поэта на создание образа плясуньи Маико неоднократно писали исследователи. Более того, со временем возникло предположение, что, возможно, «они вместе посетили народный праздник в Марткопи» (Богомолов 1966. 60-61); «Маико Орбелиани, по словам Полонского, «грузинка, чудо, как хороша». Ей, после совместной поездки в Марткопи, он посвящает стихотворение “После праздника”» (Головин 2012. 32) и т.д. Соответственно, сам собой напрашивается вывод: возможно, Маико Орбелиани не только была музой поэта, но и прообразом «плясуньи».

Основанием такому предположению послужила близость поэта к семье известного грузинского поэта-романтика, государственного и общественного деятеля князя Александра Чавчавадзе (1786 - 1846). Известно, что вскоре после приезда в Тбилиси Я. Полонский стал частым гостем его семьи. По мнению современников, «главная заслуга князя Александра заключалась в том, что он успел дом свой сделать прочным звеном между обществом грузинским и русскими людьми, ехавшими служить на Кавказ» /газ. «Петербургские ведомости», 1883, №73/ (Богомолов 1966. 56). У Полонского завязались дружеские отношения с детьми Ал. Чавчавадзе, Ниной Чавчавадзе-Грибоедовой (1812-1857) и ее братом Давидом (1817/8-1884), которым он посвятил прекрасные стихи – «Н. А. Грибоедова» (1846-1879) и «Кахетинцу» (1849) (упоминаемые в них факты подтверждают степень близости поэта с семьей Чавчавадзе), а также с их кузиной Маико Орбелиани, которая приходилась родной племянницей Саломе Орбелиани — супруге Ал. Чавчавадзе и матери Нины и Давида Чавчавадзе. В своих очерках Я. Полонский неоднократно подчеркивает стирающее сословные отличия

духовное единство собравшихся: «На грузинских праздниках, кто бы вы ни были, к какому бы сословию ваша особа ни имела чести принадлежать и как бы вы ни были воспитаны, вам самим будет нисколько не стыдно и не совестно принять участие в общем веселии, наравне с последним бедняком, покрытым лохмотьями» (Полонский 1848, 143). Для подобного заключения, безусловно, было необходимо непосредственное наблюдение за поведением на празднике представителей высшего сословия — грузинской аристократии. Так возникла версия совместной поездки...

Новейшие исследования архивных материалов позволили установить дату смерти Майко Орбелиани — княжна скончалась от чахотки в конце января/начале февраля 1949 года. Как следует из письма Левана Меликишвили, прогрессирующая болезнь настолько ослабила болящую, что она не только не покидала своей усадьбы, но и ее жених считал нужным оставаться с княжной в ее имении, в связи с чем просил начальство продлить ему отпуск (Церцвадзе 2019. 34). Участие летом 1848 года, т.е. за полгода до кончины, тяжело больной княжны в увеселительной поездке и, тем более, в народных плясках, представляется маловероятным. Тем не менее, поскольку документальных свидетельств участия (или *не*участия) в этой поездке Майко Орбелиани не обнаружено, история пляшущей среди народа красавице-аристократке так и остается одной из возможных интерпретаций происшедшего во время той памятной поездки.

На создание романтического образа «Плясуньи Майко» поэта вполне мог вдохновить и сам факт знакомства с прославленной красавицей-княжной. Одно не вызывает сомнений — размышления Полонского о народных праздниках Грузии оставили потомкам неопровержимое свидетельство внетекстовой реальности — социо-культурной модели поведения представителей грузинской аристократии того времени.

Заключение

Художественное творчество оперирует авторской интерпретацией конкретных фактов, чувств и переживаний. В романтическом дискурсе кавказской лирики Я. Полонского четко прослеживается отражение художественного переосмысления лично пережитого поэтом, и изучение поэтического текста в общем контексте с биографическим затекстом дает возможность дополнительных интерпретаций.

Литература

- 1- Багратион-Мухранели И.Л. (2020). *Русские писатели о грузинском народном благочестии и единстве православия в конце 40-х годов XIX века* // XXX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Москва : Изд-во ПСТГУ. 294 с. <https://esxatos.com/bogoslovskaya-konferenciya-pstgu-30-2020>
- 2- Баранская Е. М. (2013). *Кавказ в модели житнетворчества Я.П. Полонского* // Культура народов Причерноморья, №264. Симферополь : Изд-во «Таврия». С. 22-27. [Электронный ресурс]: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-kavkaz-v-modeli-zhiznetvorchestva-ya-p-polonskogo>
- 3- Баранская Е. М. (1998). *Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского* // Культура народов Причерноморья, №5. Симферополь, Изд-во «Таврия». С. 162-167. [Электронный ресурс]: <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-liricheskij-geroj-i-literaturnaya-lichnost-ya-p-polonskogo>
- 4- Белянин В. П. (2016). *Психоллингвистика: Учебник*. Москва : Изд-во ФЛИНТА. 415 с. [Электронный ресурс]: http://lib.y-su.am/open_books/413123.pdf.
- 5- Богомолов И. С. (1966). *Я. П. Полонский в Грузии*. Тбилиси : Изд-во «Литература да хеловнеба». 199 с.
- 6- Головин Вл. (2012). «*Завлекают в Сололаки стертые пороги...*» // «Русский клуб», №10. Тбилиси : Изд-во «Русский клуб». С. 30-36. [Электронный ресурс]: [http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84\(10\)bolo.pdf](http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84(10)bolo.pdf)
- 7- Модебадзе Ир. (2010). «*Родная Грузия была для нас свята...*» Яков Полонский. Тбилиси : Изд-во Русский клуб. 67 с.
- 8- Мушина И. Б. (1986). *Поэзия и проза Полонского* // Я.П.Полонский, Сочинения в двух томах, т. 1. Москва : Изд-во «Художественная литература». С. 5-26 [Электронный ресурс]: https://imwerden.de/pdf/polonsky_sochineniya_tom1_1986__ocr.pdf,

- 9- Полонский Я.П. (1988). *Мои студенческие воспоминания* // Полонский Я. П. Проза. Москва : Изд-во «Советская Россия». [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1898_moi_stud_vosp.shtml
- 10- Полонский Я. П. (1848). *Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского* // Закавказский вестник, № 34. С. 143-144. [Электронный ресурс]: <https://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/285292?offset=60>
- 11- Рожкова Е.М. (2011). *Затекст как форма проявления действительности в художественном тексте* // Вестник КемГУ. №4 (48). Кемерово : «Изд-во Кемеровский государственный университет». С. 212-216. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/zatekst-kak-forma-proyavleniya-deystvitelnosti-v-hudozhestvennom-tekste/viewer>
- 12- Ушакова Д. О. (2021). *Христианские ценности в цикле кавказских очерков Я. П. Полонского* // Ученые записки петрозаводского государственного университета, т. 43, № 3. с. 102–109. [Электронный ресурс]: https://uchzap.petrso.ru/files/redaktor_pdf/1617018070.pdf
- 13- Ушакова Д. О. (2019). *Инонациональный текст в путевых очерках Я. П. Полонского кавказского периода творчества* // Вестник РГУ имени С.А.Есенина №4 (65). Рязань : Изд-во «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». С. 135-145. [Электронный ресурс]: https://vestnik.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/2019/12/D_O_Ushakova.pdf
- 14- Федосеева Т.В. (2020). *«Народная религиозность» в художественном мире Я.П.Полонского* // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 3 (28). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3\(28\).15](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).15)
- 15- Филина Мария, Оссовска Данута (2016). *Судьбы поляков на Кавказе, ч. I. «Тбилисская группа» польских ссыльных поэтов*. Тбилиси : Изд-во «Универсал». 315 с.
- 16- Фридлянд В. Г. (1984). *Поэт сердечной и гражданской тревоги* // Полонский Я. П. Лирика. Проза. Москва : Изд-во «Правда». С. 5-26.
- 17- Церцвадзе Мая (2019). *Грузинское общество первой половины XIX века в эпистолярном наследии Николоза Бараташвили (новые аспекты, исследования, анализ)*. Тбилиси: Изд-во «Меридиан». 203 с., на груз. яз.: ცერცვაძე მაია. XIX საუკუნის პირველი ნახევრის საქართველოს საზოგადოებრივი გარემო ნიკოლოზ ბარათაშვილის ეპისტოლური მემკვიდრეობის მიხედვით (ახალი ასპექტები, კვლევა, ანალიზი).

Bibliography

- 1- Bagration-Muxraneli I.L. (2020). *Russkie pisateli o gruzinskom narodnom blagochestii i edinstve pravoslaviya v konce 40-x godov XIX veka* // XXX Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo humanitarnogo universiteta. Moskva: Izd-vo PSTGU. 294 s. <https://esxatos.com/bogoslovskaya-konferenciya-pstgu-30-2020>

- 2- Baranskaya E. M. (2013). *Kavkaz v modeli zhiznetvorchestva Ya.P. Polonskogo* // Kul'tura narodov Prichernomor'ya, №264. Simferopol': Izd-vo «Tavriya». S. 22-27. <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-kavkaz-v-modeli-zhiznetvorchestva-ya-p-polonskogo>
- 3- Baranskaya E. M. (1998). *Liricheskij geroj i literaturnaya lichnost' Ya. P. Polonskogo* // Kul'tura narodov Prichernomor'ya, №5. Simferopol': Izd-vo «Tavriya». S. 162-167. <https://md-eksperiment.org/ru/post/20190110-liricheskij-geroj-i-literaturnaya-lichnost-ya-p-polonskogo>
- 4- Belyanin V. P. (2016). *Psixolingvistika: Uchebnik*. Moskva : Izd-vo FLINTA. 415 s. http://lib.y-su.am/open_books/413123.pdf.
- 5- Bogomolov I. S. (1966). *Ya. P. Polonskij v Gruzii*. Tbilisi : Izd-vo «Literatura da xelovneba». 199 s.
- 6- Golovin Vl. (2012). «Zavlekayut v Sololaki sterty'e porogi...» // «Russkij klub», №10. Tbilisi: Izd-vo «Russkij klub». S. 30-36. [http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84\(10\)bolo.pdf](http://russianclub.ge/components/com_jooget/file/n84(10)bolo.pdf)
- 7- Modebadze Ir. (2010). «Rodnaya Gruzija by'la dlya nas svyata...» *Yakov Polonskij*. Tbilisi : Izd-vo Russkij klub. 67 s.
- 8- Mushina I. B. (1986). *Poe'ziya i proza Polonskogo* // Ya.P.Polonskij, Sochineniya v dvux tomax, t. 1. Moskva : Izd-vo «Xudozhestvennaya literatura». S. 5-26 https://imwerden.de/pdf/polonsky_sochineniya_tom1_1986__ocr.pdf
- 9- Polonskij Ya.P. *Moi studencheskie vospominaniya* // Polonskij Ya. P. Proza. Moskva: Izd-vo "Sovetskaya Rossiya", 1988. http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1898_moi_stud_vosp.shtml
- 10- Polonskij Ya. P. (1848). *Neskol'ko slov o gruzinskix prazdnikax voobshhe po sluchayu Martkopskogo* // Zakavkazskij vestnik, № 34. S. 143-144. <https://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/285292?offset=60>
- 11- Rozhkova E.M. (2011). *Zatekst kak forma proyavleniya dejstvitel'nosti v xudozhestvennom tekste* //Vestnik KemGu. №4 (48). Kemerovo : «Izd-vo Kemerovskij gosudarstvennyj universitet». S. 212-216. <https://cyberleninka.ru/article/n/zatekst-kak-forma-proyavleniya-deystvitelnosti-v-hudozhestvennom-tekste/viewer>
- 12- Ushakova D. O. (2021). *Xristianskie cennosti v cikle kavkazskix ocherkov Ya. P. Polonskogo* // Ucheny'e zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, t. 43, № 3. s. 102–109. https://uchzap.petsu.ru/files/redaktor_pdf/1617018070.pdf
- 13- Ushakova D. O. (2019). *Inonacional'nyj tekst v putevy'x ocherkax Ya. P. Polonskogo kavkazskogo perioda tvorchestva* // Vestnik RGU imeni S.A.Esenina №4 (65). Ryazan` : Izd-vo «Ryazanskij gosudarstvennyj universitet imeni S. A. Esenina». s. 135-145. https://vestnik.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/2019/12/D_O_Ushakova.pdf

- 14- Fedoseeva T.V. (2020). «*Narodnaya religioznost`*» v *xudozhestvennom mire Ya.P.Polonskogo* // Ucheny'e zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo. № 3 (28). [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3\(28\).15](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).15)
- 15- Filina Mariya, Ossovska Danuta (2016). *Sud'by` polyakov na Kavkaze, ch. I. «Tbilisskaya grupa» pol'skix ssey`l'ny`x poe'tov*. Tbilisi : Izd-vo «Universal». 315 s.
- 16- Fridlyand V. G. (1984). *Poe`t serdechnoj i grazhdanskoj trevogi* // V kn.: Polonskij Ya. P. *Lirika. Proza*. Moskva : Izd-vo «Pravda». S. 5-26.
- 17- Cerczvadze Maya (2019). *Gruzinskoe obshhestvo pervoj poloviny` XIX veka v e`pistol'yarnom nasledii Nikolozha Baratashvili (novy`e aspekty`, issledovaniya, analiz)*. Tbilisi : Izd-vo «Meridian». 203 s., na gruzinskom yazyke: ცერცვაძე მაია. *XIX საუკუნის პირველი ნახევრის საქართველოს საზოგადოებრივი გარემო ნიკოლოზ ბარათაშვილის ეპისტოლური მემკვიდრეობის მიხედვით (ახალი ასპექტები, კვლევა, ანალიზი)*.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Modebadze Irine Igorevna (2023). YAKOV POLONSKY. “AFTER THE FEAST”, 1849: TEXT AND OVERTEXT. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 67-86.

DOI: 10.52547/iarll.22.4

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/298>

یاکوف پالونسکی. «بعد از جشن»، ۱۸۴۹: متن و فرامتن

ایرین یگورونا مادابادزه^{*۱}

استاد پژوهشی، انستیتو ادبیات شوتا روستاولی جواخیشویلی گرجستان،
تفلیس، گرجستان.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۲؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۲۳)

چکیده

گرجستان تأثیر بسزایی در زندگی و آثار شاعر، نثرنویس و درام‌نویس سرشناس روس، یاکوف پتروویچ پالونسکی (۱۸۹۸-۱۸۱۹) داشته است. پنج سالی که وی در تفلیس سپری کرد، تأثیر شگرفی بر سرنوشت هنری وی داشت: مجموعه اشعار چاپ شده در تفلیس («سازاندار»، ۱۸۴۹، «چند شعر»، ۱۸۵۱) توانستند نظر منتقدان را جلب کنند و برای وی شهرتی در بین معاصران به همراه آورند. هدف این پژوهش، مشخص کردن رابطه بین حقیقتی که یاکوف پالونسکی در گرجستان دید، با ویژگی درک و تجلی آن در گفتمان رمانتیک ذهن خلاق شاعر است. ماده اصلی مورد استفاده در این پژوهش، گفتمان متن شعر «بعد از جشن» (۱۸۴۹)، اثر رئال پالونسکی و گزیده‌هایی از نامه‌های شاعر به دوستان است. این نخستین باری است که چنین پژوهشی انجام می‌شود. نتایج تحلیل انجام شده، امکان دستیابی به جمع‌بندی‌هایی در رابطه با روابط شخصی شاعر با نمایندگان جریان روشنفکری گرجستان و مدل اجتماعی- فرهنگی رفتار نمایندگان اشراف گرجستان را فراهم کرده است.

واژگان کلیدی: یاکوف پتروویچ پالونسکی، ادبیات سده نوزده روسیه، متن قفقازی، «بعد از جشن»، گفتمان رمانتیک، فرامتن.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-5432-0243>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی